

CLXI.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. Конецъ 1848.)

Какъ-то вы переносите вашъ домашній трауръ? Мнѣ и вамъ досталось потерпѣть въ этомъ концѣ года. Тутъ вѣдь, однакожь, не безъ благодати. Человѣкъ въ гѣрѣ гораздо способенѣе понимать бѣдствія другихъ. На дняхъ я получилъ извѣстіе изъ Петербурга въ слѣдующихъ словахъ: «Сорокинъ дѣлалъ на конкурсъ, вмѣстѣ съ Григоровичемъ (сынъ конференцъ-секретаря); картина его очень замѣчательна, а потому Василій Ивановичъ далъ Сорокину мѣсто внутри Россіи, съ тѣмъ, чтобы не выставялъ своей картины».

О Сорокинѣ я давно слышалъ, что онъ имѣетъ способности, какими еще давно не былъ надѣленъ никто изъ учениковъ Академіи. Узнайте, справьтесь, пожалуйста, обо всемъ этомъ, и опредѣлите истину всего этого событія. Сами согласитесь, если все, что тутъ сказано,—правда, то уже величайшій подвигъ со стороны вашей будетъ, если Сорокина выручить изъ тѣмы мірскихъ выгодъ на свѣтъ Божій, въ Римъ.

Что касается до меня, то я готовъ тутъ употребить деньги на путешествіе и первую его здѣсь обстановку.

Судя по отзывамъ Капкова, этотъ нашъ талантъ желалъ отдать себя въ жертву своимъ родителямъ и брату, но мы должны видѣть въ этомъ только прекрасную душу русскую и не допускать до паденія превосходныхъ его способностей по искусству. Если онъ согласится жить здѣсь вмѣстѣ со мной на одной квартирѣ, то тутъ можетъ быть весьма полезная связь между молодыми историческими живописцами, его товарищами, и мною.

СЛХП.

КЪ ПЛЕМЯННИЦЪ.

(Римъ. Весна 1849.)

Ваше письмо застало насъ посреди великихъ безпокойствъ. Римъ, какъ вамъ, можетъ быть, извѣстно, находится въ осадномъ положеніи. Каждый день новые страхи, а чѣмъ-то еще все это завершится? Письма ваши, бывало, часто приносили намъ горе; вотъ почему послѣднее письмо ваше я четыре дня не распечатывалъ.

Однакожь, теперъ видно изъ сего письма, что вы поизмѣнились къ лучшему, чему я истинно радуюсь. Постарайтесь, однакоже, не впадать въ другую крайность: униженность выражений тоже не хороша. Заведите порядокъ писать къ намъ разъ въ два мѣсяца, исключая развѣ какихъ-нибудь чрезвычайностей. Въ письмахъ старайтесь быть подробнѣе тамъ, гдѣ говорится о важности вашихъ или нашихъ дѣлъ. Берите цѣлый листъ почтовой бумаги безъ конверта: онъ то-же самое стѣитъ, что и поллиста; да пишите по-мельче, да не въ одинъ день. Мы вамъ даемъ средства содержаться, не погибать, но если вы знаете способы достать себѣ средства рукодѣлемъ, или ученіемъ дѣтей гдѣ-нибудь въ пансіонѣ, то мы этому будемъ очень рады. Вы такимъ образомъ приучитесь къ дѣятельности, и получите самостоятельность. Не пренебрегайте этими словами, и принимайтесь сейчасъ-же исподволь устроить вашу независимость, всегда на честныхъ и благородныхъ основаніяхъ. Денегъ у насъ, какъ вы знаете, едва достанетъ на исполненіе нашихъ дѣлъ, а европейскія движенія грозятъ дороговизной и двойными издержками. Наслѣдство, вы сами видите, какъ завязло. Мы просили Академію намъ тутъ помочь, но старо-завѣтные люди дѣятельны казнить и опустошать, и неспособны споспѣшествовать успѣхамъ другихъ.

~~~~~

CLXIII.

КЪ ГОГОЛЮ ¹⁾.*Римъ, 15 мая 1849.*

До-сихъ-поръ я все былъ вѣренъ моему слову и дѣлу, и въ надеждахъ, что уже недалеко и до конца, съ которымъ бы разрѣшились все мнѣнія и надежды общества (усиленно продолжалъ трудъ). Но вотъ уже двѣ недѣли, какъ совершенно все остановилось. Римъ въ осадѣ ²⁾. Люди, теперь здѣсь во главѣ стоящіе, грозятъ все зажечь и погребсти себя подъ пепломъ. При такихъ условіяхъ, конечно, уже невозможно продолжать трудъ, требующій глубоко-сосредоточеннаго спокойствія. Я, однакожъ, крѣпился въ перенесеніи столь великаго несчастія, и только что будетъ возможно, то опять примусь за окончаніе моей картины.

Очень жалѣю, что вы мнѣ ни о чемъ-таки не написали съ знакомымъ вашимъ: особливо въ послѣдніе годы очень много открылось у меня отголосковъ о будущей жизни.

Васъ истинно и глубоко уважающій
Александръ Ивановъ.

Хотѣлъ бы я васъ спросить о Завьяловѣ,—упрекнуть и васъ, и Москву въ безсовѣстности; но такъ-какъ это все останется безъ результатовъ,—все, все отлагаю до окончанія моей картины.

CLXIV.

КЪ ГОГОЛЮ (?).

(Римъ. Весна 1850.)

Завтра отправляется отсюда Э. И. Горданъ съ оконченной своей гравюрой ³⁾, для представленія ее Государю Императору.

¹⁾ См. примѣч. 2 на стр. 229.

²⁾ Римъ осажденъ французскими, неаполитанскими и испанскими войсками, а Болонія австрійскими. Каждый день ожидаешь тревоги. (Такъ измѣнилъ послѣднюю фразу Ивановъ при перепискѣ письма на-чисто, см. Современникъ 1857, т. 72, отд. I, стр. 169).

³⁾ „Преображеніе“, съ картины Рафаэля.

Онъ отправилъ теперь ящикъ съ оттисками и доску, которую, конечно, онъ гораздо послѣ получить въ Петербургѣ, и въ такомъ случаѣ, можетъ быть, лучше бы было и не представлять трудъ Государю, прежде полученія ящика съ сотнею экземпляровъ. Публика, особлива наша, горяча. Она пожелаетъ вдругъ имѣть оттиски, если его величество приметъ Иордана и трудъ его благосклонно, какъ то можно ожидать, опираясь на внутреннее достоинство дѣла. Посудите и дайте ему совѣтъ, а мнѣ кажется, хорошо ему представится накануне 25-ти лѣтняго юбилея царствованія, такъ что и трудъ его мой (бы) быть ознаменованъ и великимъ днемъ.

Онъ скоро по пріѣздѣ въ Петербургъ думаетъ побывать къ вамъ въ Москву. Вы будете имѣть время обсудить весь этотъ планъ и посовѣтовать, какъ найдете лучше.

Въ первые дни выставки «Преображенія», я очень на него ропталъ (я это вамъ говорю, какъ великую тайну): мнѣ досадно было, что оно не только не лучше Моргена и Павона, гравировавшихъ тоже съ этой картины, (но) и не лучше всѣхъ гравюръ, какія находятся въ свѣтѣ. Но я замирился внутренно съ Иорданомъ на томъ, что онъ не коренной русской. Этихъ словъ моихъ прошу никому не сообщать. Время—великій дѣлитель; онъ (Иорданъ) намъ скорѣй приготовить «Мадонну Фолиньо» Рафаэля, и тогда мы порадуемся съ вами еще болѣе, чѣмъ настоящему успѣху Иордана. Говоря объ успѣхахъ двухъ нашихъ гравировъ ¹⁾, нельзя не вспомнить объ ихъ великомъ учителѣ, Уткинѣ: старикъ еще живеть, или, лучше сказать, отживаетъ вѣкъ слезъ, печали и горя. Куда бы хорошо было, еслибы онъ при этомъ случаѣ былъ бы удостоенъ первостепеннаго отличія! Это бы совершенно разрушило подлую мысль, будто бы новопріѣзжіе удушаютъ и давятъ своихъ пропедшихъ наставниковъ.

Самъ я объ себѣ ничего не скажу. Спросите Иордана, онъ вамъ многое чтó можетъ рассказать.

¹⁾ Иордана и Пищалкина.

CLXV.

КЪ ГОГОЛЮ.

Римъ. Юня 5, 1850.

Что вамъ сказать обо мнѣ? Я все тотъ-же, что и былъ при васъ въ Римѣ. Живу жизнью одной студіи, и перемѣнъ почти никакихъ нѣтъ. Объ одномъ иногда только жалѣю, что нельзя записывать мнѣ моихъ мыслей въ памятную книжку. Прежде я имѣлъ это обыкновеніе—наблюдать за ихъ разростаіемъ. Впрочемъ, я и на это не ропщу, вѣря, что уже скоро будетъ всему развязка. Недавно послалъ я письмо къ вамъ о Ф. И. ¹⁾: ему удалось довести до конца свою длинную работу; но не думаю, чтобы были живительныя перемѣны въ гравюрномъ мірѣ и съ самымъ счастливымъ привѣтствіемъ его важнаго труда. Его искусство не коренное, а подчиненная страсть; его характеръ не уработанъ подъ стать наступившей эпохѣ нашего времени, и, наконецъ, его сердце — не русское.

Полагаясь на волю Провидѣнія, столь часто выручавшаго меня изъ разныхъ опасностей, я не теряю ни бодрости продолжать трудъ, ни желанія быть достойнымъ будущихъ золь, и такимъ образомъ приступить, наконецъ, къ кризису моей жизни.

Вамъ совершенно преданный
Александръ Ивановъ.

Моллеръ жаловался на васъ, что вы объ себѣ ему никогда не пишете. Я ему при первомъ свиданіи сообщу всѣ ваши желанія.

¹⁾ Гюрганъ.

CLXVI.

КЪ Ѳ. И. ЮРДАНУ.

(Римъ. Осень 1850.)

Недѣлю какъ послалъ письмо племянницѣ, адресуя въ домъ Юдиной. Справьтесь, пожалуйста, получила ли она его? Вчера получилъ новое ея письмо съ реэстромъ картинъ. Говорить о нашей старой дѣвушкѣ Маринѣ — мы отложили до нашего приѣзда въ Россію, именно потому, что слишкомъ много хлопотъ и безъ того Василию Антоновичу ¹⁾. Мы продаемъ картины не для того, чтобы непременно нужно было это намъ сейчасъ сдѣлать, но потому, что некуда ихъ помѣстить для сохраненія. Просили Григоровича, онъ отказалъ дать уголокъ въ Академіи. Братъ мой съ большимъ неудовольствіемъ читалъ, что племянница взяла многія изъ картинъ себѣ на квартиру. Онъ очень проситъ меня сказать ей, чтобы немедленно отдала ихъ Моллеру, полагая, что, въ случаѣ нужды въ деньгахъ, она не затруднится все спустить за ничто, не смотря на все наше желаніе ни за что не отдавать эскиза «Пожарскаго». Его намѣреніе прекратить ей содержаніе, если уже перебрано до 3-хъ тысячъ руб. изъ долга Моллера. Что касается до меня, то я лучше ничего не могу придумать, какъ положиться во всемъ на благоразуміе Моллера. На прошедшей недѣлѣ писалъ Моллеру, прося его выслать въ Римъ обѣ наши доли въ мелкихъ билетахъ коммерческаго банка. Теперь здѣсь прилагаю еще письмо, и прошу васъ, прочитавъ, немедленно ему доставить, ибо въ деньгахъ мы имѣемъ большую нужду. У живописца несравненно болѣе издержекъ, чѣмъ у кого-либо, и при томъ со мною братъ, лишенный давно содержанія. Очень прошу васъ обо всемъ позаботиться. Попросите Григоровича: нельзя ли это сдѣлать черезъ Академію, адресуя въ наше посольство? Вѣдь это деньги, и очень важныя для насъ. Здѣсь я прилагаю письмецо къ Резанову, и прошу васъ, прочитавъ, вручить ему лично, если можно. Какъ бы хорошо было, еслибы онъ

¹⁾ Моллеру, брату живописца—Федора Антоновича.

отдать вамъ пятьдесятъ скудъ. При возвратѣ *Ө. А. Моллера* въ Римъ, ихъ можно бы было здѣсь получить. Очень сожалѣю объ вашей граверной участи. Любопытно, все-таки, что скажетъ Государь, побывавъ на выставкѣ? Вѣдь одинъ этотъ фактъ вдругъ можетъ все поправить. Напишите объ этомъ.

Что касается до *Дмитріева*, или этой старой французенки, обманувшей *Дмитріева*, и старающейся и васъ запутать, я бы совѣтовалъ нисколько не торопиться въ дѣйствіяхъ. Если бы она и захотѣла прикрыть бывшее бремя вами, то и тутъ надобно предохранить ваши трудовыя деньги (отъ) ея нападеныя, а можетъ быть еще и младенца никакого не было, и не будетъ. Если уже въ самомъ дѣлѣ вы выберетесь весной изъ Петербурга, то поѣзжайте въ Москву—тамъ будетъ въ это время *Гоголь Рихтеръ*, безъ сомнѣнія, радъ будетъ вамъ дать уголь своей квартиры на время. Тутъ въ послѣдній разъ хорошо бы вамъ подумать о подругѣ въ остальной вашей жизни,—не пренебрегите этимъ мнѣніемъ. *Рихтеръ* васъ въ самомъ дѣлѣ любитъ, только вы должны въ самомъ дѣлѣ отбросить вами созданное обращеніе съ женщинами и дѣвцами. Конечно, этому много причиной наша прошлая итальянская жизнь, гдѣ мы совершенно отрѣзаны были отъ всякаго семейнаго порядочнаго общества.

Боткину ¹⁾, *Маркову*, *Левицкому* ²⁾ наше почтеніе съ увѣреніемъ въ нашей любви и уваженіи.

Видѣли ли вы наши картины? Изъ нихъ, послѣ фамильныхъ портретовъ или родственныхъ чувствъ, первое мѣсто имѣеть, мнѣ кажется, эскизъ «*Минина и Пожарскаго*». Такъ что, если бы вы были по-независимѣе во мнѣніи, то, можетъ быть, предпочли бы тремъ картинамъ *Угрюмова*—этотъ эскизъ. Посмотрите и дайте мнѣ о немъ мнѣніе ваше,—этой картинкой я очень дорожу, но не знаю, какой участи подвергнется она прежде, чѣмъ возвращусь въ отечество.

¹⁾ Николаю Петровичу.

²⁾ Сергѣю Львовичу, фотографу.

CLXVII.

КЪ А. И. РЕЗАНОВУ.

(Римъ. Осень 1850.)

Любезный Александръ Ивановичъ.

Слышалъ я много объ васъ новостей. Вы приобрѣли такое сокровище, которое рѣдкому изъ насъ достается — сердечную подругу въ остальномъ пути жизни, и, вѣроятно, живете и строите: вѣдь у насъ ни одинъ изъ архитекторовъ не былъ безъ дѣла. Просиль бы теперь вспомнить обо мнѣ, старомъ вашемъ знакомомъ, сражающемся постоянно съ особенно дорогой жизнью и искусствомъ, и, если можно, то покорно-бы просиль вручить Θεодору Ивановичу Гордану сумму, посланную мною къ вамъ въ Испанію. Этимъ-бы вы меня теперь несравненно болѣе одолжили, чѣмъ тогда я васъ. Извините, что наскучаю вамъ моимъ письмомъ: я-бы этого не сдѣлалъ, еслибы вы сами не сказали, что, по прїѣздѣ въ Петербургъ, постараетесь немедленно меня удовлетворить.

CLXVIII.

КЪ ГОГОЛЮ.

Римъ, 30 января 1851.

Въ глазахъ художника, и въ особенности моихъ, вы все кажетесь прекраснымъ теоретическимъ человѣкомъ. Нельзя не полюбоваться вашимъ послѣднимъ письмомъ; но у меня здѣсь совсѣмъ другое. Говорить подробно обо всемъ — не было-бы благоразумно; рассказывать часть — темно, а потому скажу только то, что уже крайне необходимо.

Я вынужденнымъ найдусь чрезъ мѣсяца два къ вамъ писать, и потому, сдѣлайте одолженіе, вышлите мнѣ вашъ адресъ, чтобы письмо мое не имѣло никакого затрудненія

попасть къ вамъ въ руки, и немедленно. Счастливъ-бы я былъ, еслибъ могъ безъ этого обойтись!

Въ Римѣ теперь со мной братъ, а Моллера все поджидаемъ со дня на день.

Васъ истинно уважающій и любящій
Александръ Ивановъ.

~~~~~

CLXIX.

КЪ ГОГОЛЮ ¹⁾.

Римъ, 20 мая 1851.

Письмо ваше отъ марта 18 можно раздѣлить на двѣ половины. Я полагаю, что вы его помните. Высшее управленіе, подъ которымъ мы находимся, лучше всего оставлять неприкосновеннымъ нашимъ сужденіямъ, особливо письменнымъ. Мы, христіане, должны въ молчаніи и съ покорностью ждать обѣщаннаго блаженства и печься только о томъ, чтобы быть болѣе и болѣе его достойнымъ,—этимъ я заключаю для себя первую половину вашего письма.

Во второй, вы спрашиваете о моей жизни внѣ студіи. Внѣ студіи я довольно несчастенъ, и еслибы не студія, то давно-бы былъ убитъ. Такъ, покамѣстъ, стоятъ дѣла. Все, чтѣ вы разумѣли о моихъ страданіяхъ, написавъ статью обо мнѣ, составляетъ, можетъ быть, четвертую долю того, чтѣ случалось послѣ, — такъ что, выражаясь языкомъ переходнаго человѣка, я уже начинаю чувствовать какія-то права на художническую самостоятельность, — и можетъ-ли чтѣ быть этого справедливѣе? Вѣдь мы уже подходимъ мало-помалу къ послѣднему вопросу: быть-ли живописи, или не быть? Но я слишкомъ, кажется, увлекся, желая отвѣчать вамъ на вторую половину вашего письма, и это оттого, что какъ-то свертывается (все) у меня на студію, какъ на единственное и вѣрное уединеніе въ настоящія минуты. Я обѣ-

¹⁾ См. примѣч. 2 на стр. 229.

даю у Фальконе, и это потому, что (изъ всѣхъ камерьеровъ) ¹⁾ одинъ Луиджи оставался мнѣ вѣренъ: у другихъ я бывалъ съ болью въ животѣ. Вслѣдствіе этого-же переставалъ ходить въ кафе завтракать. Теперь (однакожь) напѣ кафе— на площади Санъ-Карло, гдѣ можно намъ довольно вѣрно покушать.

Я почти ни съ кѣмъ не знакомъ, и даже почти оставилъ и прежнихъ знакомыхъ. Я, такъ-сказать, ежедневно болтаюсь между двумя мыслями: искать знакомства, или бѣжать отъ него? И, вися въ серединѣ, кое-какъ разговариваю съ людьми, всегда имѣя къ нимъ всевозможную снисходительность, и ища ихъ благорасположенія, какъ необходимости для меня же. Какъ ни странно это положеніе, но вмѣстѣ и утѣшительно: никогда я не былъ такъ наблюдателенъ, какъ теперь, и въ этомъ я нахожу отраду.

Съ Брюлло я, въ началѣ (его) пріѣзда, часто видѣлся, но теперь съ нимъ не бываю. Его разговоръ уменъ и занимателенъ, но сердце все то же, все такъ же испорчено.

Мнѣ Н. П. Боткинъ писалъ, что будто-бы вы собираетесь въ Римъ чрезъ Грецію, и онъ хочетъ тоже сюда-же пуститься (чрезъ Лондонъ).

Братъ мой все еще со мной. Можетъ быть, мы въ июлѣ, на первыхъ числахъ, поѣдемъ вмѣстѣ въ Неаполь, въ Торре-Аннунціата, для принятія морскихъ банъ и занятія въ Помпеѣ. Оттуда я въ августѣ, на первыхъ числахъ, думаю возвратиться въ Альбано, для этюдовъ перваго плана картины (пожалуйста, не бранитесь: вѣдь вы тутъ только теоретикъ), а потомъ, въ октябрѣ, въ Римъ, для ея окончанія, а братъ думаетъ въ Сицилію, съ возвратомъ ко мнѣ же.

Какъ жаль, что вы не говорите, будете-ли вы въ Петербургѣ.

Васъ искренно любящій и почитающій
Александръ Ивановъ.

¹⁾ Камерьеръ—название трактирнаго прислужника въ Италіи.

CLXX.

КЪ БРАТУ.

(Альбано.) Августъ, пятница, 1851.

Сегодня грозитъ дождемъ; слѣдовательно, я по-свободнѣе, и вотъ твое письмо полупрочитанное я разбираю. Желательно, чтобы я ошибся, но мнѣ все кажется, что деньги Моллера грозятся мнѣ большою неприятностью. Я къ нему написалъ, что ты въ Неаполѣ; спрашивалъ, не знаетъ-ли онъ, почему остановился братъ его высылкою намъ денегъ? Ты помнишь, когда просила у меня значительную сумму въ долгъ Витторія, и я отказалъ, — кажется, что это было въ июлѣ прошедшаго года, именно тогда, когда вынута такая значительная сумма изъ книжки Иордана. Впрочемъ, это покамѣстъ между нами. Я все это порѣшу, когда самъ налицо приѣду въ Римъ. Я тебя не принуждалъ ѣхать въ Неаполь, я думалъ только тебя развлечь отъ печали, которую навѣтъ на тебя мое письмо.

Ты, какъ кажется, опять переселился въ домъ Аннелли; теперь ужъ я не знаю, что мнѣ и думать и что тутъ сказать? Этого рода женщины всегда и просты, и милы въ началѣ, но послѣ того вдоволь наплачешься, а я всегда на чужомъ пиру съ похмѣлья: мнѣ, можетъ быть, за ваши удовольствія придется заплатить больше тысячи рублей Иордану.

Пожалуйста, не сердись: это все только одни предположенія.

Въ концѣ сентября думаю быть въ Римѣ со всѣмъ приборомъ, и оттуда тебѣ напишу. Если хочешь писать ко мнѣ до того времени, то адресуй прямо въ Альбано: Casa di Battista, № 67.

Я часто выдаюсь съ Жаметомъ ¹⁾: онъ живетъ близъ меня въ Альбано; тутъ-же живетъ архимандритъ съ діакономъ.

Писемъ ни отъ кого нѣтъ; по крайней мѣрѣ, Орловъ ²⁾ мнѣ ничего не присылалъ.

Прощай, будь здоровъ и счастливъ. Любящій тебя братъ
Александръ.

¹⁾ Альб. Данил. Жаметъ, пейзажистъ.

²⁾ Пим. Никит. Орловъ, жавристъ.

CLXXI.

КЪ БРАТУ.

Римъ. Октября 5, 1851.

Любезный братъ.

Въ письмѣ твоёмъ отъ 30-го сентября замѣтно, что ты хочешь сдѣлать дѣло въ половину, почему я и тороплюсь къ тебѣ съ этими строками, чтобы убѣдить тебя—объѣздить всю Сицилію и сдѣлать путешествіе сколь возможно совершеннѣе и подробнѣе, къ пользѣ твоего искусства. Что касается до денегъ, то на сей конецъ я бы тебѣ очень охотно выслалъ сто скудъ или болѣе, если бы зналъ, куда и когда. Не пренебреги моими словами. Въ твои лѣта, и съ твоими знаніями, на сто скудъ можно столько сдѣлать, что послѣ и за 10-ть тысячъ не приобрѣтешь.

Что касается до пропажи денегъ, о которыхъ я тебѣ писалъ, то въ этомъ я совершенно убѣжденъ. Но это въ сторону покажись, и я тебѣ объ этомъ писалъ не для того, чтобы затѣять непріятности, но чтобы сколько-нибудь предостеречь тебя отъ новой западни въ Неаполѣ. Вѣдь старуха дома Аннелли пресерьёзно ко мнѣ приставала.

Сегодня ждуть сюда Бутенева. Я представлюсь.

У насъ въ домѣ все занято. Хозяйка живетъ наверху, но вѣдь скоро возвратятся и верхніе, а Пуччи безпрестанно приѣзжаетъ въ Римъ. Если хочешь, чтобы я въ мою комнату принесъ изъ студиі постель для твоего приѣзда, то напиши, и будетъ все готово. Иорданъ пишетъ, что наше дѣло Потемкина идетъ впередъ, и деньги уже получаютъ, но въ то же время говоритъ, что племянница сильно кутить. Къ Колоннѣ немедленно напишу и скоро, очень скоро, но теперь надобно писать къ Василию Моллеру о деньгахъ и о племянницѣ, отвѣчать Иордану и Лапченкѣ. Вчера только возвратился я изъ Альбано, посѣтилъ домъ s-ге Bernardini, къ удивленію нашель s-ге Filirro совершенно здоровымъ и свѣжимъ. Тебѣ всѣ кланяются.

У насъ всѣ поражены несчастіемъ: скончалась Феличетта

Франчини на другой день по разрѣшеніи отъ бремени, что было третьяго дня.

Ковригинъ уѣхалъ въ Россію, Чумаковъ—въ Неаполь, и оттуда тоже въ Россію.

Прощай, будь здоровъ и счастливъ. Тебѣ преданный братъ
Александръ.

Если деньги тебѣ нужны будутъ чрезвычайно скоро, то попробуй попросить у Колонны, отъ моего имени: я ему тотчасъ ихъ вышлю, и точно столько, сколько ты назначишь въ твоемъ письмѣ ко мнѣ.

~~~~~

CLXXII.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

• (Римъ. 1851—52.)

Письмо ваше исполнено столь сильныхъ выраженій, что я не могу не принять ихъ весьма близко къ сердцу, но въ то же время не мало изумляюсь, что вы думаете найти въ моей скудной библіотекѣ что-нибудь, могущее прибавить къ вашимъ обширнымъ знаніямъ. Мы, русскіе историческіе живописцы, покамѣстъ стоимъ подъ вліяніемъ запрещенія, дожидаясь, однакоже, благополучнаго часа къ открытію для насъ важнѣйшихъ историческихъ свѣдѣній. Въ этомъ видѣ я пробовалъ говорить съ вами въ Альбано о книгѣ Штрауса «Жизнь Христа», въ переводѣ Литтре, вышедшемъ недавно въ Парижѣ. Вы сами видѣли, съ какою жаждою я искалъ черезъ васъ добыть эту важную книгу, но все прервалось вашею болѣзью, что меня ужасно сокрушаетъ. Если, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, нельзя будетъ Н. П. Боткину пріѣхать въ Римъ, то книгу мнѣ нельзя-ли прислать будетъ съ кѣмъ-нибудь изъ его или вашихъ знакомыхъ, сюда отправляющихся?

~~~~~

СLXXIII.

КЪ Ѳ. И. ЮРДАНУ.

(Римъ. Мартъ 1852.)

Вы сами знаете, какъ трудно сказать что-либо о концѣ своей работы. Самый вашъ вопросъ я отношу къ изнеможенному вашему положенію.

Пріятель и другъ Николая Петровича Боткина, Кузьма Терентьевичъ Солдатенковъ, собираетъ картины русскихъ художниковъ; по сему поводу я предлагаю ему повидать намъ принадлежащія вещи, находящіяся въ попеченіи у Моллера. Кажется, что Солдатенковъ не только возьметъ для себя многое, но даже прибережетъ остальное у себя въ домѣ, — это было бы лучше всего, что можно себѣ представить. Но къ вамъ тутъ усердная моя просьба: такъ-какъ въ нашемъ собраніи много и вздору, какъ обыкновенно то бываетъ, то вамъ поручаемъ отобрать таковыя вещи и ихъ сжечь; смотрите же — сжечь, потому что огонь можетъ избавить отъ порицаній и разборовъ такія изъ нашихъ произведеній, что недостойны носить наше имя, такъ напр., двѣ большія картины Петра Великаго — по приложеннымъ здѣсь рисункамъ вы можете ихъ узнать, и другія, если найдутся въ этомъ же градусѣ. Согласитесь сами, что вы только одинъ изъ художниковъ, котораго я могу затрудить.

Теперь еще дѣло, и дѣло важное. Вотъ вамъ копія съ письма, только-что посланнаго Жуковскому.

СLXXIV.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

(Римъ. Мартъ 1852.)

Вслѣдствіе многихъ отзывовъ о кончинѣ Н. В. Гоголя, я рѣшился приступить къ желанію покойнаго — доставить случай награвировать его портретъ именно тому художнику,

на котораго онъ указываетъ въ книгѣ своей «Переписка съ друзьями».

Одинъ изъ двухъ портретовъ, писанныхъ мною, отъ всѣхъ въ великой тайнѣ, подаренъ, по его словамъ,—вамъ ¹⁾; по-сему прошу покорнѣйше васъ переслать портретъ въ Петербургъ, въ вѣрныя руки вашихъ знакомыхъ, для немедленнаго доставленія его *Θ. И. Иордану*.

Прошу удостоить меня отвѣтомъ на сіе письмо въ Римъ, и потрудитесь послѣдить высылкой портрета въ Петербургъ, чѣмъ весьма обяжете многихъ, любящихъ память великаго писателя.

CLXXV.

КЪ Н. П. БОТКИНУ.

(Римъ. Апрель 1852.)

Благодарю васъ усердно за письмо; свиданію нашему я еще болѣе васъ радъ, ибо оно случится въ смутную минуту моей жизни.

Представьте, какой печальной результатъ получило мое письмо къ Жуковскому: онъ, какъ видно, скончался въ самый этотъ день, когда его получилъ; по крайней мѣрѣ траурный печатный билетъ его супруги, присланный мнѣ отвѣтомъ, на оборотѣ котораго написано нѣсколько словъ ея сестры, по русски, такъ объ этомъ говорятъ. Я совершенно уже не знаю, что тутъ дѣлать? Не знаете ли вы лично книгопродавца Гоголя въ Москвѣ, или Петербургѣ? Нельзя ли чрезъ него объявить печатно желаніе покойнаго и приглашеніе подписаться на гравюру *Иордана*?

Благодарю за искренность чувствъ, какія вы помѣщаете въ вашемъ письмѣ. Очень бы пріятно было съ вами еще разъ въ Римѣ свидѣться.

Братъ мой вамъ и Кузьмѣ Терентьевичу ²⁾ усердно кланяется. Обнимите за меня *Рыбникова*.

¹⁾ Находится теперь у *М. Х. Рейтерна*.

²⁾ *Солдатенкову*.

СLXXVI.

КЪ ПОГОДИНУ.

(Римъ. Апрель 1852.)

Въ захолустьѣ отъ русской литературы, услышалъ весьма порицательные отзывы Гоголю за то, что онъ напечаталъ при жизни свое «Завѣщаніе». Теперь смерть совершилась. Я, услыжавъ о сей важной утратѣ, сейчасъ же, вслѣдствіе его «Завѣщанія», написалъ къ В. А. Жуковскому, какъ къ старшинѣ литераторовъ русскихъ, просьбу исполнить завѣщаніе покойнаго—одолжить портретъ, съ него мною писанный, для гравированія—*Θ. И. Гурдану*. Письмо мое, какъ видно, застало на столѣ самого *Василія Андреевича*. Нѣсколько строкъ сестры вдовы, присланныхъ мнѣ на оборотѣ печатнаго траурнаго билета, даютъ знать, что она хотя и съ удовольствіемъ даетъ портретъ для гравированія, но не знаетъ, гдѣ онъ?

Въ такомъ трудномъ положеніи, я рѣшился писать вамъ, ибо, по словамъ покойнаго, другой такой же портретъ, съ него мною писанный, подаренъ вамъ ¹⁾, что уже теперь болѣе не можетъ быть тайной, какъ того желалъ всегда при жизни нашъ знаменитый покойникъ. Посему теперь прошу васъ покорнѣйше, во имя памяти общаго нашего друга, портретъ, вамъ принадлежащій, выслать въ Петербургъ, въ Академію Художествъ, для профессора *Θ. И. Гурдана*, и вмѣстѣ съ тѣмъ напечатать во всѣхъ журналахъ воззваніе къ друзьямъ Гоголя о его желаніи, напомнивъ имъ его «Завѣщаніе», чтобы составить такимъ образомъ достаточную подписку для отличнаго нашего гравера, столь мало у насъ оцѣненнаго. Надѣюсь, что *Степанъ Петровичъ Шевыревъ* тоже тутъ приметъ не малое участіе.

¹⁾ Находится теперь въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ.

СЛХХVII.

КЪ Ѳ. И. ЮРДАНУ.

(Римъ. Юнь 1852.)

....¹⁾ Тотчасъ-же послалъ письмо къ Н. П. Боткину обо всемъ этомъ, прося совѣта, на что и получилъ отвѣтъ, что друзей у Гоголя много и что дѣло гравюры его портрета, вашей рукой исполненнаго, еще не потеряно. Но ваше письмо меня приводитъ въ крайнее сокрушеніе, ибо тамъ слышится отъ казъ награвировать портретъ Жуковскаго, что тоже нисколько не унизило бы вашего искусства, въ ожиданіи окончательной подписки на портретъ Гоголя.

У насъ еще прибавился знаменитый покойникъ—Карлъ Павловичъ Брюлло, и это можетъ быть дѣломъ вашего бенефиса. Но вотъ бѣда: вы сами, какъ будто, въ послѣднемъ письмѣ проситесь на кладбище, и именно въ сосѣди къ нашему Карлу Павловичу. Полагаю, что минуты вашихъ писемъ ко мнѣ всегда минуты скорби, и потому, что посылаются въ мѣсто, гдѣ провели вы лучшіе ваши годы, и потому, что пишете къ лицу, къ которому больше имѣете довѣренность—изливать сердечныя чувства... Но все-таки, однакожь, я той мысли, что силъ вашихъ все еще достааетъ, чтобы сражаться съ препятствіями, какія вамъ случается претерпѣвать и въ нравственной, и въ художнической жизни. И потому мой совѣтъ: если не поздно, не отказывайтесь отъ портрета Жуковскаго, особливо, если вашъ вопросъ о законныхъ деньгахъ за трудъ крѣпко и прочно обставится; я же съ своей стороны попытаюсь все сдѣлать, что будетъ можно, чтобы доставить вамъ портретъ Гоголя съ денежной его обстановкой.

---

¹⁾ Начала недостаетъ.

CLXXVIII.

КЪ Н. П. БОТКИНУ.

(Римъ. Июнь 1852.)

Написалъ къ Иордану, говорилъ о вашемъ содѣйствіи. Написалъ Погодину, прося его переслать портретъ Гоголя къ Иордану, въ Петербургъ, ибо вдова Жуковскаго мнѣ поручила написать, что она хотя и съ удовольствіемъ служить портретомъ, но не знаетъ, у кого онъ, и гдѣ онъ, и что это не можетъ быть прежде возврата ея въ Россію.

Портретъ у Погодина не худъ; въ то время, какъ розыщется портретъ, принадлежащій Жуковскому, Иорданъ уже можетъ начать работу съ Погодинскаго портрета, ибо они оба совершенно въ одномъ и томъ же положеніи и размѣрѣ.

На удачу напишу во Франкфуртъ къ вдовѣ Жуковскаго по русски, но не знаю, застанетъ ли (ее) мое письмо. Если вы узнаете, гдѣ она, послала-ли портретъ въ Петербургъ, или гдѣ онъ находится, то очень меня этимъ обяжете, написавъ мнѣ сюда два слова. Но вотъ бѣда: я самъ ѣду на два мѣсяца за-городъ. Лихорадочная жара Рима и нужда въ этюдахъ для картины меня отсюда гонять; я даже отчаиваюсь видѣть Якунчикова, ибо онъ будетъ въ Римъ въ эту же эпоху. Антонъ Ивановъ ¹⁾ въ Неаполѣ, Жаметь въ Тиволи, братъ тоже собирается въ Неаполь.

CLXXIX.

КЪ К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ.

(Римъ. Декабрь 1852.)

Наконецъ я вамъ высылаю фотографіи. У каждой подписано, откуда она: изъ Капитолія, или изъ Ватикана. Туда положены нѣсколько преспективъ внутренностей, какія фотографія очень рѣдко даетъ. Теперь, значить, вы имѣете всѣ драгоцѣнности архитектуры и скульптуры, въ самыхъ

¹⁾ Пейзажистъ.

лучшихъ фотографіяхъ. Остается желать приобрѣсти фотографіи съ живописи. Но это очень не легко, и едва-ли даже возможно. По крайней-мѣрѣ въ такомъ видѣ это мнѣ представлялъ итальянскій здѣшній фотографъ, у котораго я купилъ большую часть (фотографій) для васъ. Во всякомъ случаѣ я буду здѣсь на сторожѣ, тѣмъ болѣе, что имѣю много довольно еще отъ васъ денегъ.

Крайне сожалѣю, что ваше короткое пребываніе въ Римѣ не дало мнѣ довольно времени, чтобы ближе съ вами познакомиться, достигнуть до самыхъ искреннихъ разговоровъ, ибо посредствомъ переписки не только трудно, но даже и мало можемъ мы узнать другъ друга. Такъ, напр., ваши два письма, отъ 16 (28) августа и 4 (16) ноября, кажутся мнѣ, какъ будто, двухъ разныхъ лицъ. «Прошу васъ покупать для меня, что вы замѣтите хорошаго у русскихъ художниковъ—мое желаніе собрать галерею только русскихъ художниковъ!» На эти слова многое можно бы было вамъ написать, но въ семь писемъ я это отложу, и займусь завершить его покаместъ нашимъ денежнымъ счетомъ и двумя словами объ Антонѣ Ивановѣ и Жаметѣ.

Отъ Иванова я получилъ картину, и отправилъ ее банкиру; отдалъ ему сто скудъ, оставленныя у меня вами для него. Въ это-же время видѣлъ и картину Жамета, но онъ по болѣзни своей не могъ ее окончить.

~~~~~  
CLXXX.

КЪ Ѳ. И. ЮРДАНУ.

(Римъ. Январь 1853.)

Окончивъ съ вами счета, я, такъ сказать, хотѣлъ отдохнуть отъ писемъ, всегда вызываемыхъ необходимою жизнью. Но теперь на ваше послѣднее отъ 11 декабря нельзя не отвѣтить, нельзя не сказать, что какъ ни непріятны были у насъ дѣла

съ Моллерами, но они въ самомъ дѣлѣ разъяснили наше значеніе и дружескія отношенія, которыя, съ самаго вашего отъѣзда изъ Рима, были у меня въ ряду забывшихъ меня товарищей. Это мое письмо, вѣроятно, будетъ послѣднее, ибо вы на пунктѣ выѣхать. Если время у васъ будетъ, то все-таки напишите мнѣ о перемѣнахъ, какія случатся въ Академіи: все это для меня очень любопытно, хотя бы даже оно и имѣло видъ наружной неблагопріятности. Жаль очень, что вы ни слова не сказали объ отискѣ Пиццалкина <sup>1)</sup>, съ которымъ я такъ часто вижусь. Конечно, тутъ ждять нельзя сочувствія ни массы, ни образованной публики къ труду гравера; по крайней-мѣрѣ, что говорятъ въ Академіи, въ этой оранжереѣ чужихъ растений? Прочее все, прекрасное и высокое, у насъ впереди. Благодарю усердно за вашъ ко мнѣ панегирикъ, но я всегда въ какой-то лихорадкѣ, когда думаю, сколько отъ меня ждуть, т.-е. отъ моей картины. Я все сдѣлалъ, чтобы вамъ доставить работу—гравировать портретъ Гоголя; остается еще справиться, за кѣмъ дѣло остановилось,—справка, которая ничего, можетъ быть, вамъ не прибавить.

Видѣлъ я Николая Федоровича Брюлло съ Гриммомъ, Баскаковымъ; другихъ еще не видалъ, т.-е. Крюкова. Скажите, что у васъ говорятъ о Бориспольцѣ? Онъ здѣсь ослѣпъ, лечится и безденежствуетъ <sup>2)</sup>. Къ Солдатенкову я недавно послалъ богатую коллекцію фотографій: виды древнихъ римскихъ строеній, въ развалинахъ, и статуи Ватикана и Капитолія. Успѣхи фотографіи чувствительны и, какъ мнѣ кажется, сильно на счетъ вашего искусства. Объ этомъ я бы желалъ съ вами поговорить лично, въ видѣ спокойномъ и серьезномъ, а то бѣда съ письмами: всегда что-нибудь да не такъ и выскажется, и покажется. Любопытно получить (отвѣтъ) отъ Солдатенкова.

Рихтеръ ничего ко мнѣ не писалъ. Да и о чемъ ко мнѣ

<sup>1)</sup> Рѣчь идетъ о гравюрѣ Пиццалкина съ картины Брюллова: „Взятіе Божіей Матери на небо“, присланной въ то время изъ Рима въ Петербургъ.

<sup>2)</sup> Плат. Тим. Борисполець имѣлъ въ это время зрѣніе только ослабѣвшее, но никогда не былъ слѣпымъ: не только въ 1853 году, но даже и въ настоящее время, снуста 26 лѣтъ.

писать? Кажется, что вашъ оттискъ съ «Преображенія» проданъ. Если вы хотите, чтобы я взялъ эти деньги отъ купца, то пришлите мнѣ къ нему ваше довѣренное письмо по-итальянски.

~~~~~

CLXXXI.

КЪ К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ.

(Римъ. Начало 1853).

Недавно получилъ я ваше прелюбезное письмо, но оно коротко, такъ что я не знаю, получили-ли вы фотографіи статуи Ватикана и Капитолія, вмѣстѣ съ картиной Антона Андр. Иванова, или не получали?—это меня заботить. Остающіяся у меня деньги на покупку фотографій все еще не въ ходу, хотя я видѣлъ прекрасную фотографію съ Леонардо-да-Винчи въ галлерей Шарра ¹⁾, но мнѣ хотѣлось приобрести для васъ, во-первыхъ, замѣчательныя живописи Ватикана, которыя, не знаю почему, все еще не появляются. Буду на сторожѣ.

Жамень призывалъ меня для показанія почти конченной картины для васъ. Эта вещь превосходная, съ чѣмъ васъ поздравляю. Въ художническомъ моемъ чувствѣ я было хотѣлъ васъ просить сколько-нибудь прибавить ему плату, но я не знаю, можно ли это чувство согласовать съ мнѣніемъ человѣка свѣтскаго, и потому теперь прошу васъ покорнѣйше прислать вторую половину денегъ, т.-е. сто скудъ, въ уплату за трудъ его, который, по его словамъ, будетъ на дняхъ къ вамъ отправленъ. Кстати вамъ скажу: Жамень хочетъ за эту картину получить званіе художника изъ петербургской Академіи, что, конечно, увеличить ея важность въ глазахъ вашихъ.

Пріѣхалъ сюда В. Е. Раевъ и привезъ мнѣ реэстръ книгъ, вмѣсто самыхъ книгъ, вами ко мнѣ посланныхъ, ибо онъ не безъ причины перепугался итальянской таможни, и оставилъ

¹⁾ Sciarra.

ихъ въ нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ. Благодарю васъ за любовь и вниманіе ко мнѣ, но въ тоже время долженъ вамъ сказать, что скоро самъ собираюсь къ вамъ, и потому время мое не позволяетъ мнѣ почти никакого чтенія, особенно русскихъ книгъ, будучи употребляемо безпрестанно только на окончаніе моего настоящаго труда. Тороплюсь всячески кончить мое дѣло, и такимъ образомъ при личномъ свиданіи можно гораздо и лучше, и яснѣе порѣшить всякое будущее движеніе и намѣреніе, какъ ваше, такъ и мое.

~~~~~

CLXXXII.

КЪ К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ.

(Римъ. Весна 1853.)

Извините, что опаздываю къ вамъ отвѣтомъ: я все выжидалъ болѣе счастливой минуты, чтобы достойно выразить вамъ мою искреннюю благодарность за великодушный вашъ поступокъ—наградить художника за трудъ, сверхъ условленной платы. Это тѣмъ болѣе для меня трогательно, что вы, не видя еще самой вещи вашими глазами, основались только на моемъ одномъ словѣ.

Пріятно мнѣ было слышать, что Н. А. Рамазановъ не безъ занятія. Будьте такъ добры, упоминайте въ каждомъ вашемъ письмѣ что-нибудь о немъ, или объ другихъ дѣйствіяхъ художниковъ. Два мѣсяца передъ симъ просилъ меня Э. А. Моллеръ написать къ вамъ, что, по поводу усиленнаго занятія своею картиною ¹⁾, (онъ) не можетъ удовлетворить вашей просьбы написать для васъ картину. На этомъ основаніи онъ хотѣлъ вамъ возвратить оставленныя у него вами деньги. Но, наконецъ, онъ самъ недавно послалъ къ вамъ письмо съ подробнымъ описаніемъ всего этого дѣла, что, конечно, лучше всего.

Отъ денегъ, отданныхъ Жамету, у меня осталось 35 жудъ, что съ прежними 55—составляетъ 90 скудъ.

¹⁾ „Апостолъ Іоаннъ на островѣ Патмосѣ“; объ этой картинѣ говорено уже а стр. 197.

Фотографіи показываются, но все не въ тѣхъ видахъ, какіе мнѣ бы хотѣлось для васъ: съ эстампа Иордана, «Тайная вечеря» Леонардо-да-Винчи—съ копіи довольно средней «Мадонна Фолиньо» Рафаэля, но съ самихъ оригиналовъ еще ничего нѣтъ. Я полагаю, что другой причины тутъ нѣтъ, какъ боязнь подорвать коммерцію съ образцовыхъ произведеній XV-го столѣтія. И въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто 40 и 30 скудъ,—спуститься на 3 или 4! Да еще, можетъ быть, съ гораздо лучшимъ рисункомъ! Я все-таки не теряю надежду.

Свидѣтельствую вамъ, Николаю Петровичу Боткину и Ник. Алекс. Рамазанову мое искреннее почтеніе.

~~~~~

CLXXXIIII.

КЪ ГРАФ. С. П. АПРАКСИНОЙ.

(Римъ. Іюль 1853.)

Съ сердечнымъ трепетомъ получилъ я ваше письмо отъ 12 (24) іюня изъ рукъ сына, вами рекомендуемаго, Михаила Семеновича Щепкина, за которое приношу вамъ мою усердную благодарность. Вы просите меня къ вамъ писать, но мы теперь живемъ въ такой эпохѣ, гдѣ жизнь каждаго изъ людей извѣстна во всѣхъ ея видахъ: такъ, по крайней мѣрѣ, можно намъ замѣчать изъ ежеминутныхъ признаковъ, и потому письмо будетъ изображать только вліяніе той минуты, когда пишешь, иногда неудачной. Скажу, однакожь, здѣсь то, что чувствовалъ со дня знакомства съ вашей особой, посредствомъ незабвеннаго нашего Николая Васильевича.

Постоянно пребывая съ глубочайшимъ почтеніемъ къ вамъ и вашему семейству, я всегда замѣчалъ мои всѣ планы и намѣренія несравненно меньшими, чѣмъ вы когда либо предполагали, и потому, охотно вѣряясь совершенно во всемъ вамъ, мнѣ не остается ничего болѣе, какъ совершить мой настоящій трудъ въ границахъ моего знанія въ искусствѣ, и ждать отъ васъ великой милости.

~~~~~

CLXXXIV.

КЪ К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ.

Римъ, 30 декабря 1854.

Вотъ уже болѣе полутора года, какъ не писалъ къ вамъ о моихъ занятіяхъ—это какъ одинъ день; но много можетъ быть перемѣнъ въ вашемъ положеніи. Холера въ этотъ годъ свирѣпствовала въ первопрестольной столицѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось, во-первыхъ, знать, какъ вы отъ нея избавились? Сдѣлайте одолженіе, не пренебрегите отвѣчать мнѣ на это.

Что касается до вашихъ денегъ 90 скудъ, остававшихся у меня для покупки фотографій съ важнѣйшихъ живописей XV-го столѣтія, то это все еще стоитъ въ томъ же положеніи, т.-е. что страхъ подорвать продажу существующихъ эстамповъ останавливаетъ это дѣло. Теперь въ фотографіяхъ отличается здѣсь докторъ Браунъ, но это не съ живописи, а со скульптуры, которую вы имѣете, и (съ) архитектуры самыхъ лучшихъ зданій, до насъ дошедшихъ, привезенныхъ сюда въ Римъ въ гипсовыхъ слѣпкахъ. Братъ мой этими вещами теперь исключительно занятъ.

Хотѣлось бы мнѣ еще съ вами поговорить, но покаместъ отложу до вашего отвѣта на это письмо, которымъ прошу поспѣшить, ибо слѣдующее мое письмо къ вамъ будетъ великой важности.

Прощайте, кланяется вамъ мой братъ, поклонъ отъ насъ Н. П. Боткину и Н. А. Рамазанову.

CLXXXV.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. 1855.)

Ведя къ окончанію мою большую картину среди самаго руднаго времени, я все употребилъ, чтобы не беспокоить никого просьбами о деньгахъ, испытывъ въ послѣдній разъ два выносимыя непріятности. Теперь я довелъ мою картину

до окончательнаго вида, чувствую себя въ силахъ еще болѣе ее усовершенствовать, но такъ какъ нахожусь при самыхъ послѣднихъ деньгахъ, въ сравненіи съ которыми издержки, тутъ необходимыя, далеко превышаютъ мои настоящіе способы, то я и остановился, занявшись другимъ дѣломъ, по моему усмотрѣнію гораздо важнѣйшимъ, и не требующимъ большихъ издержекъ.

Долгомъ счелъ извѣстить васъ объ этомъ трудномъ моемъ положеніи, и просить васъ о совѣтѣ, что мнѣ тутъ дѣлать? Могутъ ли быть новые способы къ усовершенствованію большой моей картины, или уже мнѣ должно, къ стыду и величайшему моему горю, назвать ее конченною?

Сдѣлайте милость, не оставьте меня на долгое время въ этомъ борящемся состояніи, и рѣшите мое положеніе тѣмъ или другимъ образомъ.

CLXXXVI.

КЪ К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ.

(Римъ. Начало 1855.)

Въ ожиданіи вашего отвѣта на послѣднее мое письмо отъ 30 декабря прошедшаго года, я получилъ отъ Пиццалкина новое ваше письмо, которое, какъ видно, писано вами прежде полученія моего.

Весьма отрадно мнѣ видѣть васъ въ полномъ расположеніи дѣйствовать въ пользу нашихъ русскихъ художниковъ, и въ особенности довѣренность, съ какой вы ко мнѣ обращаетесь, я въ самомъ дѣлѣ не могу не принять безъ искренняго и сердечнаго удовольствія. Но такъ какъ природа нашего живописнаго дѣла и мои дѣйствія вообще медленны, особливо это новое положеніе, въ которое вы меня ставите, — быть какъ бы судьей и цѣнителемъ — требуетъ большой осмотительности, то я покаместъ ничего не скажу вамъ отвѣтомъ о другихъ, и предложу то, что думалъ сказать вамъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ.

Благодаря вашему подарку, которымъ вы обозначили вашъ сюда прїѣздъ, я сдѣлалъ много открытій въ дѣлѣ живописномъ. Въ этомъ новомъ занятіи, годы кажутся днями, но это не только не убавляетъ, но еще утроиваетъ мои силы. Но такъ какъ хлѣбъ требуется съ каждымъ днемъ, то вслѣдствіе этого у меня является впереди крайняя нужда въ матеріальныхъ способахъ, почему я теперь и предлагаю вамъ вопросъ: въ состояніи ли вы мнѣ дать въ заемъ денегъ, и какъ велика можетъ быть эта сумма, ибо, кромѣ меня, и братъ мой доживаетъ до того же положенія?

Не устрашайтесь этой неожиданности — мыслью, что взойдете въ издержки безъ видимаго сейчасъ же плода, и отвѣтите мнѣ въ самомъ скоромъ времени, хотя бы это было и отказъ. Моя большая картина у порога своего конца, а съ ней вмѣстѣ и эскизы, для нея дѣлаемые. Съ нетерпѣніемъ жду Дмитрія Петровича Боткина, чтобы больше узнать и объ васъ, и пристальнѣе взглянуть въ ваши желанія.

CLXXXVII.

КЪ К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ.

Римъ. Май 1855.

Желая какъ можно тщательнѣе исполнить намѣреніе ваше — узнать о положеніи русскихъ художниковъ въ Римѣ, или, лучше сказать, привести полный итогъ, описавъ ихъ занятія, и имѣть разсужденіе объ оныхъ, я до-сихъ-поръ сдѣлалъ только слабыя къ тому начинанія, и въ то же время пишу, что вы уже предупредили мои распоряженія, купивъ картину Сорокина, представляющую «Цыганъ». Эти деньги яши обратились, какъ вамъ тоже, можетъ быть, уже извѣстно, въ пожертвованія на надобности государственныя, — такъ мнѣ казалъ, по-крайней-мѣрѣ, самъ Сорокинъ. Его производящая картину «Благовѣщеніе» я не видалъ, другихъ произведеній у него нѣтъ. Эту послѣднюю картину онъ надѣется послать въ половинѣ нынѣшняго лѣта въ Петербургъ, на выставку въ Академію. Я въ это время не буду въ Римѣ, ибо

жара не выношу, и потому, можетъ быть, вы прежде меня ее увидите на петербургской выставкѣ, куда везутся отсюда и другія небольшія картины, мной видѣнныя: «Три пифферара у часовни» — произведеніе Чернышева, и «Ночь въ Венеціи со стороны моря» — Боголюбова, бывшаго адъютанта его высочества Константина Николаевича. Эти обѣ вещи могутъ быть проданы первому, кто пожелаетъ ихъ пріобрѣсти. Бронниковъ хотя и приготовилъ небольшую вещь, представляющую «Женщину, моющую дитя у фонтана», но не посылаетъ ее, ибо находитъ еще въ ней кое-что докончить. Пенсіонеръ Академіи Давыдовъ посылаетъ «Видъ Швейцаріи», тоже на выставку нашей Академіи. Вотъ все, что я покажѣть могу сказать вамъ. Вы сами видите, что выборъ сдѣлать у художниковъ невозможно, ибо каждый представляетъ едва одно свое произведеніе въ настоящую минуту.

Что касается до словъ вашихъ, относящихся прямо ко мнѣ и къ моему произведенію, то я покажѣть и на это не прибралъ еще настоящаго отвѣта, о которомъ думаю очень, а теперь пишу вамъ только для того, чтобы не поставить васъ въ смутное положеніе въ разсужденіи меня, ибо вы прислали мнѣ деньги, о полученіи которыхъ я васъ долженъ увѣдомить въ самомъ скорѣйшемъ времени.

Поговоримте покажѣть о Сорокинѣ: я самъ, кромѣ картины его «Цыгане», никакого другаго произведенія не видалъ. Сколько можно составить себѣ данныхъ изъ слуховъ, объ немъ носящихся, то изъ него можетъ выйдти хорошій и дѣльный учитель (т.-е., говоря по-французски, — профессоръ). А такъ-какъ его пенсія на концѣ и, слѣдовательно, за недостаткомъ содержанія нужно будетъ оставить немедленно Италію, чтобы хвататься за первыя встрѣчныя работы въ Россіи, чтобы добыть себѣ хлѣбъ, то не пожелаете ли вы заказать ему, въ кабинетную мѣру, предметъ изъ священной исторіи, гдѣ бы онъ могъ не только не унизиться, но еще и впередъ сдѣлать шагъ на той дорогѣ, которая должна быть всегда строго слѣдима и Академіей, и пенсіонерами ея?

Прощайте, надѣюсь къ вамъ вскорѣ писать, ибо чувствую, что это совсѣмъ не полный отвѣтъ на ваше патріотическое начало.

CLXXXVIII.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

Римъ. 10 іюня 1855.

Что мнѣ вамъ сказать, кромѣ благодарности за ваше письмо, гдѣ вы съ примѣрнымъ постоянствомъ меня все также помните?

Мой трудъ—большая картина—болѣе и болѣе понижается въ глазахъ моихъ. Далеко ушли мы, живущіе въ 1855 году, въ мысленіяхъ нашихъ,—тѣмъ, что передъ послѣдними рѣшеніями учености литературной основная мысль моей картины совсѣмъ почти теряется, и такимъ образомъ у меня едва достаеъ духу, чтобы болѣе совершенствовать ея исполненіе, въ которомъ, однако же, хотѣлъ представить итогъ столь долгаго моего пребыванія въ Римѣ.

Вы, можетъ быть, меня спросите: что же я извлекъ изъ послѣднихъ положеній литературной учености? Тутъ я могу едва назваться слабымъ ученикомъ, хотя и сдѣлалъ нѣсколько пробъ, какъ ее приспособить къ живописному дѣлу. Однимъ словомъ, я, какъ бы оставляя старый бытъ искусства, никакого еще не положилъ твердаго камня къ новому, и въ этомъ положеніи дѣлаюся невольно переходнымъ художникомъ.

Простите! Можетъ быть, навелъ на васъ грусть, почему желалъ бы скорѣе молчать, чѣмъ въ письмѣ сознаться о моей незрѣлости.

CLXXXIX.

КЪ К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ.

(Римъ. Лѣто? 1855.)

Наше время, гдѣ все съ такою легкостью подвергается преступленіямъ, требуетъ самыхъ ясныхъ словъ въ выраженіи, почему, откинувъ всѣ обиняки и лишнюю вѣжливость, я теперь припоминаю вамъ разговоръ о моемъ эскизѣ. Вы

просили эскизъ, болѣе всѣхъ оконченный, и я согласился его для васъ оставить. Этимъ бы, казалось, и могло завершиться и дѣло, и слово. Эскизъ, о которомъ мы говорили, написанъ одинъ аршинъ въ ширину и полъ-аршина въ вышину.

Въ промежуткѣ вашего со мной свиданія, я счелъ за нужное написать въ третью часть моей картины копію съ перемѣнами, что мнѣ преимущественно нужно было, чтобы болѣе провѣрить размѣръ фигуръ въ меньшемъ ихъ видѣ, и найти общую гармонію. Эта вещь у меня еще болѣе оканчивается. Еслибъ васъ свести въ студию, то, конечно, вы, во-первыхъ, ее бы себѣ, можетъ быть, усвоили. Вотъ это обстоятельство я вамъ теперь представляю на видъ, что очень заставляеть меня думать. Вторая картина, въ треть величины, исполнена въ промежуткѣ нашего личнаго переговора и вашего послѣдняго письма съ рѣшенной цѣной, а эскизъ, о которомъ мы говорили, я теперь соглашаюсь вамъ отдать, разумѣется, по окончаніи большой картины.

Признаться долженъ, что, прося у васъ въ долгъ денегъ, я показалъ, что важность и польза ихъ въ настоящую мою минуту будутъ имѣть заключеніемъ уступку этой малой картины. Но теперь этотъ планъ разрушенъ, и я остаюсь вѣрнымъ въ словѣ, т.-е. что эскизъ, о которомъ мы говорили въ 1851 году, будетъ вашъ.

СХС.

КЪ ПОГОДИНУ.

(Римъ. 1855.)

Желая удовлетворить вашей просьбѣ, я здѣсь копирую важное и послѣднее письмо ко мнѣ Н. В. Гоголя. Я его вклеилъ въ заглавный листъ новыхъ моихъ занятій, и потому въ оригиналѣ я его не могу отдать:

«Николай Петровичъ Боткинъ передасть вамъ мой поцѣлуй, многолюбимый мною Александръ Андреевичъ; Богъ въ помощь вамъ въ трудахъ вашихъ, не унывайте, бодритесь,

благословеніе святое да пребудетъ надъ вашей кистью, и картина ваша будетъ кончена со славою. Отъ всей души по крайней мѣрѣ желаю. Весь вашъ Н. Г.».

«Ни о чемъ говорить не хочется: все, что ни есть въ мірѣ, такъ ниже того, что творится въ уединенной кельѣ художника, что я самъ не гляжу ни на что, и міръ кажется вовсе не для меня. Я даже и не слышу его шума. Христось съ вами».

Прочія письма его составляютъ слишкомъ грузный пакетъ, ибо наше знакомство едва ли не десятилѣтнее, почему я на это подожду новаго вашего разрѣшенія. Не думайте, чтобы я не дорожилъ оригинальностью и другихъ писемъ важнѣйшаго изъ людей, какихъ я встрѣчалъ въ жизни, но копировать такое множество писемъ—совсѣмъ не имѣю времени.

СХСІ.

КЪ Г***.

Интерлакень, 1-го августа 1857.

Слѣдя за современными успѣхами, я не могу не замѣтить, что мое искусство живописи должно получить новое направленіе, и, полагая, что нигдѣ столько не могу зачерпнуть разъясненій мыслей моихъ, какъ въ разговорѣ съ вами,—надѣюсь, что вы мнѣ не откажете въ этомъ,—я рѣшаюсь пріѣхать въ Лондонъ отъ 3-го до 10 сентября. Въ художникахъ итальянскихъ совсѣмъ не слышно стремленія къ какимъ-нибудь новымъ идеямъ въ искусствѣ. Не говоря уже о теперешнемъ гниломъ состояніи Рима, они въ 1848 и 49 годахъ, когда во главѣ стоящая партія грозила до основанія разрушить церкви, думали: какъ бы получить для церквей новые заказы. Такое противорѣчіе рождаетъ самый любопытный вопросъ: какъ думаетъ объ этомъ Маццини? Почему и просилъ бы васъ покорнѣйше свести меня съ нимъ во время пребыванія моего въ Лондонѣ, но, подумавъ, однакожъ, не будетъ ли это свиданіе имѣть пагубныя послѣдствія для меня

отъ римскаго правительства, которое, вѣроятно, вслѣдствіе послѣднихъ потрясеній, стоитъ на сторожѣ всѣхъ его дѣйствій въ самомъ Лондонѣ? Если, напримѣръ, правительству вздумается вторгнуться въ мою студию въ Римѣ для размотра моихъ книгъ, съ помощію которыхъ я пробую созидать новый путь для моего искусства въ эскизахъ, то они, разумѣется, отберутъ отъ меня и то, и другое, что будетъ моимъ смертельнымъ нравственнымъ ударомъ.

СХСН.

КЪ БРАТУ.

Интерлакенъ, 13 августа 1857.

Выходитъ, что я совѣмъ виноватъ: сбился въ числахъ, когда писалъ къ вамъ письма. Числа всегда меня сбивали, а главное, я весьма мало имѣлъ покоя все это время: быстрая переѣздовъ и новостъ предметовъ, съ незнаніемъ нѣмецкаго языка, меня сильно волновали. Проѣздомъ въ Вѣннѣ совѣтовался у Эггера и его сына, въ два приѣма: они рѣшили, что глаза здоровы, что имъ нуженъ, во-первыхъ, шестинедѣльный отдыхъ въ зелени, — указали мнѣ Гастейнъ, близъ Зальцбурга; что нужны очки въ 20-й нумеръ для работъ, и чтеній, и что(бы) на натуру глядѣть поверхъ очковъ. Это послѣднее условіе весьма меня беспокоитъ: безъ пробы на самомъ дѣлѣ я не могу быть увѣреннымъ въ безпорочности этого рода работъ, несмотря на увѣренія людей опытныхъ, что это дѣло только привычки. Греффе въ Берлинѣ меня смотрѣлъ пристальнѣе: его лорнетъ, при лампѣ въ темной комнатѣ, былъ и больше, и ярче, чѣмъ Эггера. Онъ нашелъ вѣки глазъ нѣсколько расслабленными, и прописалъ мнѣ спиртъ — мазать виски и надъ бровями въ день два раза и тоже два раза вспрыскивать душою глаза въ продолженіи 2-хъ минутъ; очки разныхъ нумеровъ — для праваго глаза, какъ лучшій, 20-й, а для лѣваго, 14-й нумеръ, и тоже глядѣть на натуру поверхъ очковъ; отдыхъ отъ всѣхъ занятій,

по крайней мѣрѣ, мѣсячный въ Швейцаріи, въ тѣнистой зелени, и отнюдь не лазить на снѣжныя горы, да сверхъ того лорнетъ въ 7-й градусъ для лѣваго глаза, чтобы пріучить его къ работѣ—въ день $\frac{1}{4}$ часа читать, закрывая правый. О желудкѣ никто изъ окулистовъ не говорилъ ни слова, ибо если я не отравленъ, то желудокъ не болитъ. Однако же, Матюшенко, котораго я встрѣтилъ въ Берлинѣ, и Циммерманъ, снова въ Неаполѣ, побудили меня на сывороточное лѣченіе въ Швейцаріи, что я теперь и заканчиваю подъ тѣнистыми орѣшниками Интерлакена. Въ Гейдельбергѣ я тоже былъ у Геліуса. Не зная совѣтовъ ни Эггера, ни Греффе, онъ подтвердилъ ихъ своимъ, прописавъ, однако, еще примочку отъ слезливости утренней, которую я еще не употреблялъ. Вотъ все о лѣченіи и о глазахъ. Самъ я не чувствую никакой въ нихъ переменъ, но говорятъ, что вообще я будто бы поправился и пополнѣлъ — точно: платья становятся узки. Теперь о другомъ.

Въ Берлинѣ Брунновъ меня пригласилъ къ обѣду, гдѣ было подтверждено, что Государь Императоръ пріѣдетъ въ Вильдбадъ, и весьма скоро. Осмотрѣвъ все въ Берлинѣ, я пустился прямо чрезъ Дюссельдорфъ въ Парижъ, чтобы встрѣтить тамъ Н. Боткина и посоветоваться съ нимъ въ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ вояжа, т.-е. въ покупкѣ книгъ и матеріаловъ, но былъ выгнанъ имъ немедленно въ Вильдбадъ: Боткинъ увѣренъ, что Парижъ съ мѣста не тронется, а Государь скоро уѣдетъ изъ Вильдбада, почему, посадивъ меня en grande vitesse въ вагонъ, и, переплативъ, не знаю ужъ какъ, все до всякой мелочи, шампанскимъ меня провожали въ карету. Очутившись на другой день въ Вильдбадѣ, получилъ приглашеніе отъ графа Вильгорскаго встрѣтить на крыльцѣ у вдовствующей Императрицы Государя Императора съ супругой, братомъ Михаиломъ Николаевичемъ, и его невѣстой. На другой день было представленіе вдовствующей Императрицѣ, Ольгѣ Николаевнѣ, Государю Императору, а великій князь Михаилъ Николаевичъ изволилъ прислать своего офицера въ мой чуланъ въ Вильдбадѣ, чтобы къ нему явиться. Всѣ эти ласки въ самомъ дѣлѣ были поразительны, послѣ тюремнаго жительства римскаго. Послѣднее слово

Государя было: «*Я надѣюсь, что ваше положеніе улучшится*». Приглашенъ былъ его величествомъ на чай, гдѣ были тирольскіе пѣвцы—концертъ былъ многосложенъ и оригиналенъ. Послѣ уѣзда Государя, я тоже отправился по моимъ дѣламъ, сыскалъ человѣка многополезнаго, о которомъ скажу тебѣ послѣ, а теперь, такъ какъ ты ѣдешь непременно въ сентябрѣ и, слѣдовательно, я тебя не застаю дома, то: можно ли будетъ привезти мнѣ съ собой въ твою комнату на двѣ недѣли одного молодого русскаго, съ которымъ знакомство мнѣ весьма важно? Если такъ, то предвари объ этомъ Лодовика.

Предъ Интерлакеномъ я представлялся къ нашему президенту Академіи. Ея высочество съ изумительной добротой меня приняла. 19-го сего мѣсяца я отправлюсь опять для свиданія съ нею въ Остенде, откуда проѣду въ Лондонъ, и оттуда въ Парижъ, гдѣ останусь дней десять. Конечно, очень будетъ прискорбно, если не попользуюсь библіотекой: можетъ быть, съ помощью совѣтника посольства, что тебѣ тоже служилъ такъ благосклонно въ Парижѣ, я что-нибудь успѣю.

Главное меня заботитъ, что, можетъ быть, денегъ не хватить всего того закупить, что нужно,—вотъ почему просилъ бы тебя поручить оставленную сумму Желѣзнову ¹⁾, такъ чтобы онъ могъ мнѣ выслать изъ нея столько, сколько будетъ нужно. Если застаю Боткина на лицо въ Парижѣ, то онъ мнѣ обѣщался дать въ займы; если же не такъ, то напишу еще разъ въ Римъ, уже прямо Желѣзнову, прося его покорнѣйше взять трудъ похлопотать. Крайне жалѣю, что онъ боленъ: ужъ лучше бы было ему ѣхать со мной, чѣмъ хворать. Во всякомъ случаѣ гони его изъ Рима въ горы. Прощай. будь здоровъ и счастливъ.

Братъ Александръ.

Кланяйся всѣмъ, и русскимъ, и итальянскимъ знакомымъ.

¹⁾ М. И. Желѣзновъ, живописецъ, ученикъ Брюллова и писатель объ искусствѣ.

СХСШ.

КЪ Н. П. БОТКИНУ.

(Римъ. Февраль 1858.)

Благодарю усердно васъ за великодушное ваше предложеніе—служить брату присылкой книгъ къ нему въ Аѣины. Я долженъ вамъ сообщить, что онъ нашелъ этотъ увражъ въ самихъ Аѣинахъ, и все изъ него вычерпалъ; почему, если еще не поздно, просиль-бы васъ прекратить всякое попеченіе о его высылкѣ въ Аѣины.

Братъ думалъ въ половинѣ поста быть въ Римѣ, что говорить его послѣднее письмо. Но мои обстоятельства живой принимаютъ видъ. Вслѣдствіе второй выставки моей картины ея высочество в. к. Елена Павловна беретъ во мнѣ дѣятельное участіе. Картина будетъ отправлена въ концѣ карнавала въ Ливорно, и оттуда поплыветъ въ Петербургъ. Я думаю немедленно отправиться изъ Рима, чтобы застать брата въ Аѣинахъ, и съ нимъ отправиться въ Иерусалимъ, чтобы вымѣрить Омарову мечеть. Черезъ недѣли двѣ я оттуда отпущу брата, куда онъ захочетъ, а самъ останусь въ Палестинѣ до конца мая, послѣ чего думаю въ Эфесъ, потомъ на Аеонскую гору, оттуда въ Константинополь, и въ концѣ іюля быть въ Петербургѣ, гдѣ уже будетъ получена картина. Такъ какъ я поѣду черезъ Москву и, можетъ быть, пробуду недѣлю (вѣдь я тамъ буду въ первый разъ), то просиль-бы васъ посовѣтовать мнѣ, гдѣ тамъ пристать, ибо денегъ у меня къ тому времени будетъ немного. Да и въ Петербургѣ-то у меня все родное вымерло, и потому, нельзя-ли будетъ попросить Михаила Петровича ¹⁾ меня на первые дни пріютить? Впрочемъ, объ этомъ я еще буду къ вамъ писать съ Востока. Все-таки напишите два слова М. П., и пришлите мнѣ его петербургскій адресъ.

¹⁾ Говорится объ издателѣ этой книги.

СХСІV.

КЪ И. М. СЪЧЕНОВУ.

(Римъ. Февраль 1858.)

Такъ какъ мои обстоятельства принимаютъ весьма важную переѣмъ, то я за нужное считаю васъ объ этомъ извѣстить. Я вторично выставялъ здѣсь картину.

Когда и какъ мы увидимся, теперь опредѣлить трудно. Во всякомъ случаѣ, если будете писать ко мнѣ, то до половины второй недѣли поста все еще въ Римъ, а потомъ уже посылайте письмо въ Аѳины, на имя нашего посольства, съ просьбою вручить Сергѣю Андреевичу Иванову, моему брату. Напишите мнѣ, когда именно гдѣ вы будете, чтобы, въ случаѣ обратнаго пути моего изъ Россіи, можно-бы было васъ гдѣ-нибудь въ Германіи увидеть. Адресъ мой петербургскій будетъ у Воткиныхъ, съ которыми я постараюсь часто видѣться, и постараюсь даже въ одномъ домѣ жить.

Крѣпко сожалѣю, что нѣмецкія книги, прибрѣтенныя послѣднимъ вояжемъ, остаются втунѣ, и вообще сердцевина будущихъ занятій должна оставаться въ сторонѣ, чтобы дать мѣсто для изслѣдованія мѣстностей и получить способы на дальнѣйшіе шаги въ искусствѣ.

Къ Джуліи ¹⁾ я заходилъ, она познакомила меня съ русской рабой, укрывшейся въ католицизмъ отъ угрозъ своихъ господъ. Это новое знакомство я еще не разрывалъ, и не знаю, буду-ли имѣть время для дальнѣйшаго веденія вообще римскихъ знакомствъ. Впрочемъ, карнаваль не можетъ быть и для меня безъ молодыхъ дѣвицъ.

¹⁾ Били, знаменитая римская красавица, служившая иногда моделью.

СХСV.

КЪ БРАТУ.

(Римъ. Мартъ 1858.)

Крайне сожалѣю, что замучилъ тебя моими письмами, но повѣрь, что я самъ не мало страдаю, будучи поставленъ одинъ на сцену. Не съ кѣмъ посовѣтоваться, не съ кѣмъ слово сказать съ полной довѣренностью, и дѣйствовать вынужденъ самостоятельно по неволѣ. Великая княгиня Елена Павловна и князья Романовскіе открыли снова мою студию пока, какъ это было весной. Нельзя было отказать или назначить день; только карнаваломъ, кое какъ, это пресѣклось.

Рѣчь, которую ты помѣстилъ, чтобы мнѣ сказать, я въ самомъ дѣлѣ уже говорилъ самому посланнику, когда тотъ провожалъ ко мнѣ князей Романовскихъ. Но глубокое молчаніе получилъ въ отвѣтъ. А прежде того, т.-е. прежде приѣзда Императрицы, когда онъ въ первый разъ обходилъ, то онъ замѣтилъ, что дѣло можетъ быть безъ конца. Здѣсь копирую тебѣ письмо Маріи Николаевны, изъ котораго ты увидишь ходъ и рѣшеніе моихъ дѣлъ. Во всякомъ случаѣ я ѣду изъ Рима 5-го или 8-го апрѣля—надѣюсь прежде отправленія лично увидаться.

Ты разсуждалъ объ моемъ положеніи по-твоему. Благодарю за искренность, и благодарю отъ всего сердца. Но мой планъ, т.-е. мой собственный планъ, совсѣмъ другой. Картина не есть послѣдняя станція, за которую надобно драться. Я за нее стоялъ крѣпко въ свое время, и выдерживалъ всѣ бури, работалъ посреди ихъ, и сдѣлалъ все, что требовала школа. Но школа—только основаніе нашему дѣлу живописному,—языкъ, которымъ мы выражаемся. Нужно теперь учинить другую станцію нашего искусства—его могущество приспособить къ требованіямъ и времени, и настоящаго положенія Россіи. Вотъ за эту-то станцію нужно будетъ постоять, т.-е. вычистить ее отъ воровъ, разбойниковъ, влѣзающихъ черезъ заборъ, а не дверьми входящихъ.

Рекомендацію отъ посланника все-таки ты возьми на Во-

стокъ. Вѣдь я не знаю навѣрное, буду ли я имѣть что нибудь лучше ея. Теперешнее путешествіе туда двухъ моихъ знакомыхъ: князя Оболенскаго и генерала Исакова, не знаю какую принесетъ мнѣ пользу. Первый хотѣлъ обстоятельно разузнать о возможности мѣрить мечеть и возвратиться въ Римъ прежде насъ.

Желѣзновъ ищетъ мѣсто Григоровича въ Академіи. На неуспѣхъ можно потому надѣяться, что много другихъ охотниковъ, а о Скотти и помину нѣтъ. И я думаю, онъ былъ въ твоё время мячикъ Желѣзнова, который онъ тебѣ подбрасывалъ, чтобы самого себя не дать замѣтить.

Твои письма съ самаго начала ходили по рукамъ, всѣ весьма любопытствовали твоимъ описаніемъ по-итальянски. Желѣзновъ давалъ Сорокину, показывалъ мнѣ твоё письмо по-русски; я изъ этого заключилъ, что онъ можетъ показывать ихъ всѣмъ. Вѣдь Желѣзновъ, Сорокинъ и всѣ, что были при тебѣ весной нашими друзьями, оказываются далеко не тѣми. Что касается до жалобъ на меня, до тебя дошедшихъ, что я не отдаю писемъ, то это правда. Я точно не отдалъ Терезинѣ¹⁾ одного письма твоего, въ которомъ ты совсѣмъ уничтожаешь себя передъ ней со всѣми новопріобрѣтенными истинами въ искусствѣ греческомъ, извѣстіе о которыхъ меня весьма обрадовало, и я попрошу, чтобы (ты) мнѣ ихъ сообщилъ по пріѣздѣ въ Римъ. Зачѣмъ ты такъ горько принималъ, что я будто бы желаю нарушить нить твоихъ занятій? Я, какъ не-архитекторъ, не могъ понять подробно твоё положеніе; думалъ, что возвратъ твой въ Римъ, какъ ты самъ сказывалъ, будетъ въ половинѣ поста; полагалъ, что этотъ возвратъ есть совершенное окончаніе всего греческаго твоего ученія, со всѣми его вычерчиваніями, и хотѣлъ съ тобой встрѣтиться въ Афинахъ. Теперь дѣло разъяснилось, и я съ тобою увижусь въ Римѣ, гдѣ тебя и оставлю.

Последнее письмо твое съ неозначеннымъ числомъ изрядно меня беспокоитъ. Со всей живостью чувствъ я беспокоюсь о тебѣ. Чтожъ касается до меня, то я уже приготовился къ моему кресту. Пять лѣтъ прежде я предвидѣлъ, что картина

¹⁾ Монтекки.

не будетъ кончена, но теперь въ самомъ дѣлѣ за глаза мои я не отвѣчаю. Кромѣ же этого ни у кого не только денегъ нѣтъ, но и терпѣнія дожидаться, и такъ я покоряюсь, и беру на плечи крестъ. Мое письмо тебѣ много разъяснить, и, можетъ быть, даже утѣшить. Твоя главная ошибка въ томъ, что ты все хочешь пріятнаго въ жизни и глубокаго покоя, а наше время въ нравственномъ смыслѣ столь бурливо, что невозможно быть безъ какихъ-нибудь непріятностей даже одну недѣлю. И для самага покоя нужно пріобрѣсти скорѣе какой-то навѣкъ его чувствовать посреди потрясеній. Если мои письма были до сихъ поръ незначительны, то это потому, что я въ самомъ дѣлѣ избѣгалъ выходить на сцену, а съ другой стороны я далъ тебѣ слово не писать ничего непріятнаго, а непріятности бывали, и мы съ твоими знакомыми ихъ переглаживали, не сообщая тебѣ.

Ты дорожишь римской жизнью; тутъ проведена юность съ пріветливымъ говоромъ молодыхъ дѣвицъ, нашихъ знакомыхъ; все это—съ прекрасной природой, съ пріобрѣтеніемъ знаній въ безпечной жизни, дѣлаетъ что-то такое неразвязное, что, кажется, шагу не хочется выступить изъ этого міра. Да вѣдь цѣль то жизни искусства теперь другаго уже требуетъ! Хорошо, если можно соединить и то, и другое. Да вѣдь это въ сію минуту нельзя! А цѣль важнѣе околнчностей, цѣль живописи въ настоящую минуту. Вѣдь надобно же, наконецъ, выяснить, что трафаретные, или академическіе, иконостасы съ картинками тоже составляютъ гниль нашего времени, и служатъ къ истребленію человѣческихъ способностей, въ особенности русскихъ, какъ еще болѣе всѣхъ сохранившихъ свѣжесть силъ. Еслибы, на примѣръ, мнѣ даже не удалось пробить или намекнуть на высокій и новый путь, стремленіе къ нему все-таки показало, что онъ существуетъ впереди, и это уже много, и даже все, что можетъ дать въ настоящую минуту живописецъ.

Списываю здѣсь два письма: одно мое къ в. к. Маріи Николаевнѣ, а другое, поправленное обществомъ литераторовъ: Тургеневымъ, Боткинымъ, Авдѣевымъ и княземъ Черкасскимъ. Я посылаю (его) черезъ его высочество Николая Максимилиановича, т.-е. сына Маріи Николаевны.

Кстати скажу: Александръ Тонъ умеръ; Константина Андреевича сынъ ослѣпъ, и онъ его повезъ къ Греффѣ въ Берлинъ. Хорошо бы было тебѣ, хоть двѣ строчки, написать въ Петербургъ къ Константину Тону, старому твоему учителю.

СХС.VI.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ ¹⁾.

(Римъ. Мартъ 1858.)

Вслѣдствіе изъявленнаго вами желанія извѣстить васъ объ окончаніи моей картины, я теперь пишу къ вамъ. Вы, во-первыхъ, спросите: кончена ли картина? Я отвѣчу: картина далеко не окончена ²⁾. Однакожь, я ее укладываю и посылаю въ Петербургъ въ первыхъ числахъ апрѣля, съ пароходомъ и желѣзной дорогой, черезъ Марсель, въ Гавръ, такъ что она пріѣдетъ около половины мая на мѣсто. Не стану распространяться болѣе объ историческомъ ходѣ моей настоящей картины, чтобы не навести вамъ непріятностей; скажу только, что было итогомъ моихъ собственныхъ силъ въ искусствѣ.

Вслѣдствіе ея выставки, я заключилъ, что она болѣе всего можетъ быть цѣнима художниками, а не публикой. И въ самомъ дѣлѣ, я самъ въ ней желалъ показать, до какой степени русской понимаетъ итальянскую школу ³⁾, въ чемъ, ка-

¹⁾ Въ письмѣ этомъ, напечатанномъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1878 г. (кн. II, стр. 271 - 272) съ подписника, изъ альбома книгини Ек. Ал. Черкасской, есть нѣкоторыя измѣненія и дополненія противъ черноваго наброска, съ котораго печатается это письмо здѣсь. Всѣ такія перемѣны указаны у насъ въ выноскахъ.

²⁾ Въ окончательной редакціи письма тутъ слѣдуетъ вставка: „послѣднее десятилѣтіе я все поджидалъ способовъ, для окончанія моего любимаго труда; но просьбы мои правительству были отвергаемы, съ выговорами за медленность производства. Смерть родителя мнѣ доставила небольшіе способы, что, вмѣстѣ съ предложенными тремя тысячами рублей серебромъ купцомъ Солдатенковымъ за эскизъ картины, подвинуло ее впередъ. Теперь послабѣвшее зрѣніе рѣшаетъ окончательную задачу, которая могла бы давно совершиться, еслибъ не встрѣтила такихъ сильныхъ препятствій въ современныхъ способахъ къ ея исполненію“.

³⁾ Послѣдняя фраза была замѣнена потомъ — такою: „я въ ней домогался

жется, и успѣлъ, если положиться на голосъ, произнесенный художниками всѣхъ націй въ Римѣ. Что касается до публички, то ея требованія ушли дальше, отвѣты на которыя разрѣшатся впоследствии. Требуя портрета мѣстности дѣйствія, спрашиваютъ о крестѣ въ рукѣ Иоанна Крестителя, и т. д., — однимъ словомъ, не довольствуясь одной школой у новѣйшаго художника, хотягъ живаго воскресенія древняго міра, со всѣми доказательствами послѣднихъ результатовъ учености. Эти вопросы могутъ ясно доказать, что искусство живописи должно процвѣсти въ самую высокую и послѣднюю степень, т.-е. увѣнчать всѣ усилія новѣйшихъ антикваріевъ и ученыхъ, — залогъ лестный для насъ, въ особенности, русскихъ, не выступавшихъ еще на поприще и прозябавшихъ покамѣсть въ оранжереѣ европейской нашей Академіи.

Но я слишкомъ уже распространился ¹⁾. Теперь обращу ваше вниманіе болѣе на матеріальную сторону, и болѣе близкую. Картина должна быть 15 мая въ Петербургѣ, и немедленно выставлена. Выставить безъ рамы и неопратно, и неприлично, а у меня не только на раму, но на проѣздъ и пріѣздъ еще денегъ нѣтъ; потому просилъ бы васъ покорнѣйше, не примете ли вы на себя заказъ рамы для картины, уже принадлежащей Государю Императору ²⁾? Мѣра ее 7 арш. 6½ верш. (въ вышину) и 10 арш. 8¾ верш. (въ ширину). Малыя рамы (для этюдовъ) всегда сыщутся по приказанію вашему. Этюды пригготовительные весьма занимали художниковъ. Отдѣльно отъ картины, они мало значать и теряють цѣну. Все это, вмѣстѣ съ картиной, можетъ быть практическимъ и яснымъ наставленіемъ для молодыхъ художниковъ русскихъ, готовящихся на большой путь искусства живописнаго. А такъ какъ въ настоящую минуту уже начинается въ Москвѣ Ривсальная школа, то очень бы было кстати все это, вмѣстѣ

преимущественно подойти, сколько можно ближе, къ лучшимъ образцамъ итальянской школы, подчинить имъ русскую переимчивость и составить свое“.

¹⁾ Вмѣсто этого, Иванова написалъ потомъ: „но я слишкомъ увлекся въ прекрасную будущность, которой основаніемъ должна быть чистѣйшая нравственность“.

²⁾ Бартенева сдѣлалъ ошибочное примѣчаніе въ „Русскомъ Архивѣ“, будто картина Иванова пріобрѣтена Государемъ Императоромъ за 50 т. р. — она куплена всего за 15 т. р.

съ картиной, туда перевезти и уставить ¹⁾. При настоящемъ движеніи Россіи, разумѣется, что Москва опять получить свое центральное значеніе. Обо всемъ этомъ, впрочемъ, я буду имѣть счастье говорить съ вами лично, теперь только накидалъ вамъ первую мою мысль—служить моей картиной и этюдами, какъ живой школой, въ средоточіи Россіи, нашего отечества.

Ея высочество великая княгиня Елена Павловна мило-ство соизволила отправить на свой счетъ мою картину, изъявила свою волю сдѣлать также съ нея фотографію. Два фотографа уже сдѣлали пробы, но неудачно; третьяго жду на-дняхъ, и, кажется, дѣло увѣнчается успѣхомъ.

Крайне сожалѣю, что, принимая непрерывно гостей въ мою студию, не могу служить его высочеству (Николаю Максимилиановичу) путеводителемъ живописной части Рима. Впрочемъ, я, какъ не-теорикъ, а практикъ, мало могу раз-сказать.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть покор-нѣйшимъ слугою

Александръ Ивановъ.

~~~~~

СХСѢП.

КЪ Н. П. БОТКИНУ.

(Римъ. Мартъ 1858.)

Николай Петровичъ! не знаю за вѣрное, но думаю, что васъ застаю въ Петербургѣ, что было бы точно мое счастье. Судя по тому, что встрѣчался съ вами всегда въ минуты трудныя въ моей жизни, минуты въ Петербургѣ теперь превзойдутъ всѣ предшествующія, и потому я какъ будто за вѣрное васъ тамъ долженъ встрѣтить. Сегодня у меня свернулось все на то, что я будто бы везу картину въ Парижъ и въ Лондонъ; но эти перескачки въ жизни еще не под-

¹⁾ Тутъ опять вставка: „на иждивеніи ли общества частныхъ лицъ, или тоже на счетъ Государя,—не знаю; но въ частныхъ лицахъ тоже хотеть быть какое-то движеніе“.

тверждены великой княгиней Еленой Павловной. Если этому должно будет быть, то извѣщу васъ особеннымъ письмомъ, а покамѣстъ вотъ (къ) вамъ просьба. Василий Петровичъ послалъ въ Москву, къ Дмитрію Петровичу ¹⁾, мое письмо къ Солдатенкову (вмѣстѣ со своимъ), гдѣ онъ проситъ вашего брата передать ему письмо мое, а мы узнали, что К. Т. ²⁾ собирався въ Петербургъ за паспортомъ, и, слѣдовательно, можетъ быть, теперь у васъ.

Вотъ копія съ посланнаго письма моего, къ свѣдѣнію вашему. Въ случаѣ, если оригиналъ не полученъ, то просилъ бы васъ съ нимъ объ этомъ поговорить, а ему это прочитать:

«Зная, что вы выѣзжаете за границу и, слѣдовательно, не заставъ васъ въ Россіи при выставкѣ моей картины съ ея эскизами и этюдами въ Петербургѣ, что будетъ 1-го мая сего года, я бы желалъ выдти изъ затруднительнаго положенія на счетъ эскиза, вамъ обѣщаннаго за 3,000 руб. сереб., изъ коихъ четыре тысячи франковъ вы мнѣ препроводили. У меня эскизовъ, масляными красками писанныхъ,—четыре, и всѣ они не копіи съ картины, но предварительное къ ней приготовленіе, и, слѣдовательно, болѣе или менѣе съ перемѣнами. Первый имѣетъ мѣру: 2 аршина съ половиною въ вышину и 3¹/₂ въ ширину ³⁾; второй, и самый близкій къ картинѣ настоящей,—1 арш. и 1 верш. въ ширину и ³/₄ аршина въ вышину ⁴⁾. Изъ этихъ-то двухъ, какъ изъ лучшихъ, я долженъ опредѣлить вамъ одинъ. Большой, конечно, требуетъ приплаты. Вѣдь это та мѣра, на которой я хотѣлъ остаться передъ начатіемъ самой картины и завершить этимъ все дѣло! Но я не знаю, согласны-ли вы будете присоединить приплату? За малый—цѣна, вами опредѣленная, весьма щедрая, но я тоже не знаю, утвердите ли вы это, пропустивъ случай имѣть большой ⁵⁾? Конечно, еслибъ съ вами

¹⁾ Рѣчь идетъ о братьяхъ Боткина.

²⁾ Солдатенковъ.

³⁾ Находится у К. Т. Солдатенкова, въ Москвѣ.

⁴⁾ Находится у М. П. Боткина, въ Петербургѣ.

⁵⁾ „Графъ Куселевъ-Безбородко хотѣлъ сначала этотъ эскизъ пріобрѣсти, и мнѣ совѣтовали спросить третью часть цѣны самой картины, на томъ основаніи, что она размѣромъ втрое меньше, но графъ передъ отъѣздомъ сказалъ,

встрѣтиться на лицо при выставленныхъ картинахъ моихъ, это бы можно было рѣшить въ 5-ть минутъ, но теперь я поставленъ въ затруднительное положеніе, и самъ не знаю, что дѣлать,—и потому прошу покорно написать мнѣ, что вы объ этомъ думаете.

Адресуйте письмо ко мнѣ въ Берлинъ, на имя Сергѣя Петровича Боткина (Luisenstrasse, № 47, 2 Treppen)».

Много меня обяжете, Николай Петровичъ, если походите по моему дѣлу. Сегодня у меня снимутъ послѣднюю пробу фотографіи съ картины, которая будетъ величиной въ ширину 12 вершковъ и сообразной вышины,—разумѣется, безъ полей. А послѣ завтра я свертываю и картину, и все.

Васъ искренно любящій

Александръ Ивановъ.

~~~~~

СХСѴІІІ.

КЪ П. П. БОТКИНУ.

(Римъ. Мартъ 1858.)

Весьма утѣшительно мнѣ было читать ваше письмо: оно въ самомъ дѣлѣ въ такую минуту меня застало, когда (я) глубоко тосковалъ. Разлука съ Римомъ, послѣ 28-ми-лѣтняго пребыванія, разлука съ трудомъ, на который употреблена самая большая часть этого времени, и неизвѣстность будущности моего положенія, все это въ моемъ полномъ одиночествѣ я долженъ и передумывать и переработывать.

Я все употребляю, чтобы быть съ картиной въ Петербургѣ съ первымъ пароходомъ изъ Штеттина. По крайней мѣрѣ, хлопочу объ этомъ теперь постоянно. Во всякомъ случаѣ, я еще разъ къ вамъ напишу изъ Германіи, особливо, если какая-нибудь перемѣна встрѣтится въ обстоятельствахъ; вы

что онъ купить самую картину, въ случаѣ, если Государь ее не прибрѣтетъ для себя, а графиня подтвердила это, и что выстроить для нея особое зданіе" (Приписка самого Иванова).

же ко мнѣ, если за нужное сочтете еще писать, то адресуйте на имя Сергѣя Петровича Боткина въ Берлинъ.

Въ Римѣ я только до пасхи.

Джуліи ¹⁾ передалъ вашъ поклонъ, она называетъ васъ добрѣйшимъ, какихъ она знавала.

Вамъ преданный
Александръ Ивановъ.

СХСІХ.

КЪ М. П. БОТКИНУ.

Римъ, 24 марта 1858 ²⁾.

Докторъ Матюшенко мнѣ подтвердилъ, что Николай Петровичъ меня встрѣтитъ въ Петербургѣ,—это бы было величайшее утѣшеніе, ибо на повѣрку, если взять всѣ знакомства, какія имѣю, то это вѣрно будетъ самое теплое и живое, оставшееся мнѣ какъ наслѣдство отъ Гоголя. Василій Петровичъ только-что меня оставилъ, поѣхавъ зигзагомъ по Италіи. Если не большой трудъ будетъ вамъ приложенную здѣсь записочку передать моей знакомой особѣ ³⁾, то весьма меня одолжите; прочитайте и запечатайте, прежде чѣмъ ей посылать, ибо не хотѣлось бы мнѣ васъ самихъ утруждать, чтобы ей ее вручить. Не знаю, знаете-ли вы эту даму; но она, какъ имѣющая доступъ къ великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ, можетъ, кажется, мнѣ тутъ помочь въ этой художнической надобности.

Братъ мой, по поводу необыкновенныхъ холодовъ въ Аѳинахъ, остается долѣе въ Греціи, чѣмъ думалъ, и будетъ не прежде половины мая въ Римъ, гдѣ и останется до сентября, чтобы привести въ порядокъ матеріалы, набираемые въ Греціи.

Примите увѣреніе въ моей преданности.

Александръ Ивановъ.

¹⁾ Бни.

²⁾ Отъ того же числа и предыдущія два письма, №№ СХСУП и СХСУШ, къ Ник. и Пав. Петр. Боткиннмъ.

³⁾ Н. Е. Макухина.